

Лев Толстой:

«Ищи случает сделать добро»

Казань
в судьбе
писателя

Ольга
Иванова

Приезд

ЕСТЬ в мире величины, которые у большинства людей вызывают живейший отклик и мощные ассоциации, — океан, Эверест, космос, Лев Толстой... Имя одного из известнейших писателей и его произведения звучат на десятках языков в жаркой Индии и зелёной Австралии; в суровом Тибете и знойной Африке; в благоденствующих Штатах, урбанистической Европе, беднейших странах Латинской Америки и таинственном Китае. И, конечно же, не найдётся уголка в России, где творчество Толстого и сам Лев Николаевич — гений, глыба, колосс мировой литературы, великий творец и философ — не известны и не читаемы с детства.

Он родился в Ясной Поляне, где появились на свет и его самые эпохальные произведения — «Война и мир» и «Анна Каренина». Но есть в России место, где во Льве Николаевиче пробудился мыслитель и философ, появились ещё совсем робкие ростки борца за справедливость и всеобщее счастье, бунтаря против догм и закоснелых взглядов. Город этот стал истинной колыбелью будущего писателя, флюгером непростого пути в период взросления, становления личности, понимания своего предназначения.

Казань не по случайному совпадению возникла в судьбе юного графа Толстого. Город, куда осиротевшего 13-летнего Лёвушку (так его тогда называли родные и близкие) привезли вместе со старшими братьями и сестрой, был далеко не чуждым его роду. Здесь когда-то

служил прадед Льва Николаевича – Андрей Иванович Толстой, а дед Илья Андреевич занимал пост головы Казани, и прах его упокоился на кладбище Кизического монастыря. Неоднократно и подолгу проживал в Казани отец писателя Николай Ильич – участник войны 1812 года. После женитьбы на княжне Марии Волконской он с супругой поселился в родовом поместье Волконских – Ясной Поляне, где и появились на свет их дети – Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и Мария.

И вот, по печальной причине (потери матери, потом – отца, бабушки и, наконец, опекуны Александры Ильиничны Остен-Сакен), осенью 1841 года все отпрыски осиротевшего семейства оказались на попечении младшей сестры отца – Пелагеи Ильиничны Юшковой. До этого события, сразу после кончины матери (Лёвущке тогда было около двух лет) воспитанием детей занималась троюродная сестра отца Татьяна Александровна Ергольская, которую дети любовно называли «тётенькой». Лев Николаевич в своих воспоминаниях отзывался о ней, как о «замечательной по нравственным качествам женщине», он глубоко уважал её и искренне восхищался. «Тётенька» не имела собственной семьи и полностью посвятила себя сиротам, и вполне понятны их натянутые и неприязненные отношения с Юшковой, скорей всего здесь сыграла свою роль ревность со стороны обеих женщин. Одна считала себя почти что матерью, другая, имевшая на детей больше прав, как самая ближайшая родственница, к тому же более состоятельная, жаждала заполучить любовь сирот.

Безусловно, с материальной стороны Пелагея Ильинична могла дать племянникам куда больше, чем Ергольская, ведь на протяжении нескольких лет Юшковой пришлось заниматься не только опекунами заботами по воспитанию детей, но и расстроенными делами Толстых. Пелагея Ильинична взвалила на себя тяжкий груз попечительства и отодвинула Татьяну Александровну в

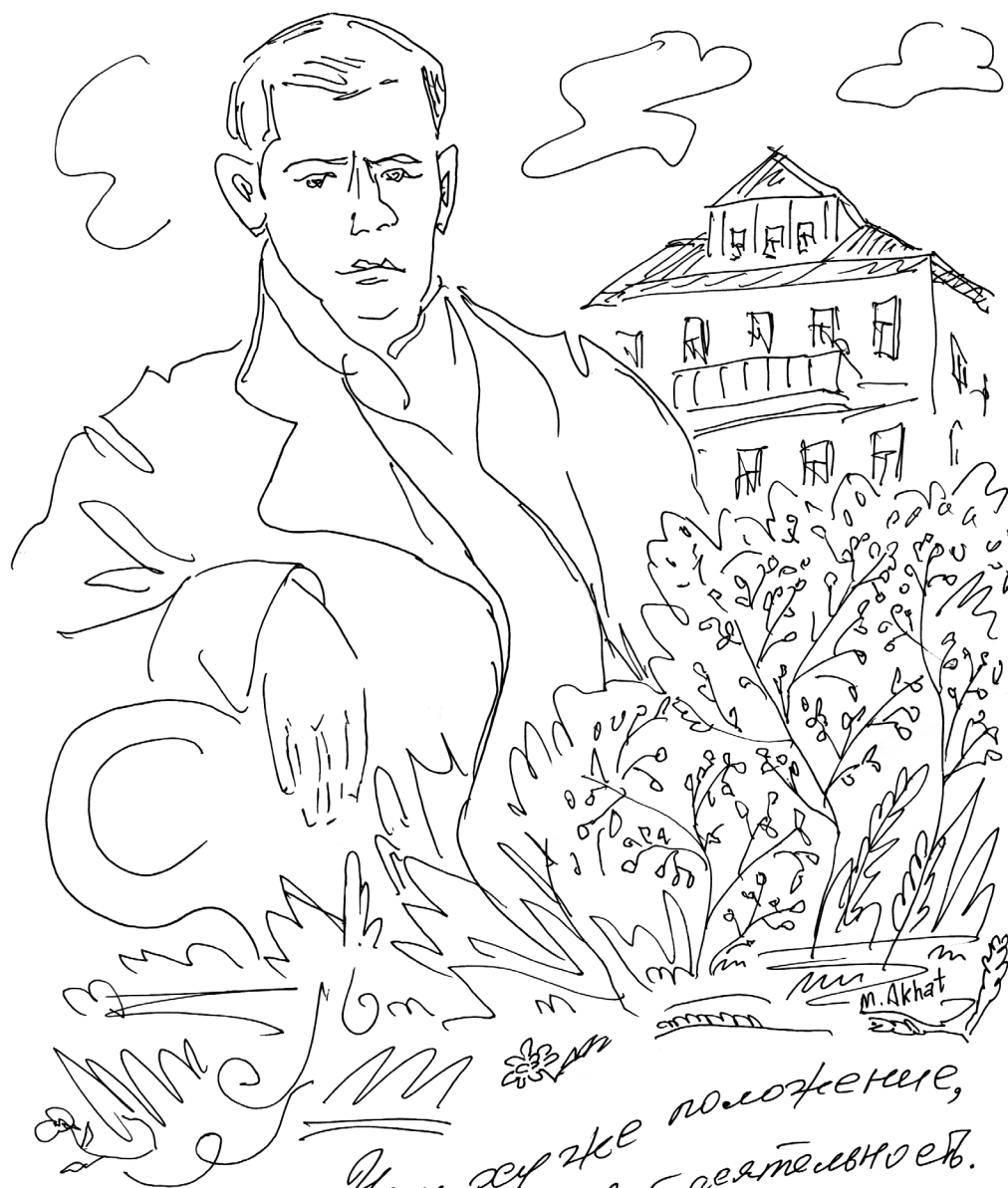
сторону, однако периодически осведомляла Ергольскую об успехах детей и их здоровье, отправляя пространные и успокаивающие письма. Всё-таки женщина она была добрая и не злопамятная, в этом сиротам повезло. История переезда юных отпрысков Толстых имеет право на отдельное описание.

Пелагея Ильинична была замужем за казанским помещиком, гусарским полковником в отставке Владимиром Ивановичем Юшковым. После смерти своей старшей сестры Александры, бывшей прежде опекуной детей, она прибыла из Казани в Ясную Поляну. Дела сирот оказались в полном расстройстве, денег катастрофически не хватало, и старший брат Льва, Николай, к тому времени уже студент Московского университета, обратился к тётке с проникновенной просьбой не оставлять их в столь тяжёлом положении. Пелагея Ильинична растрогалась и не могла отказать, она приняла детей на попечение и с присущей ей энергией немедленно занялась сборами в дорогу. На сбитые баржи погрузили имущество, которое только могло там поместиться, следом взошли яснополянские дворовые. Сама опекуна с племянниками и племянницей отправились по берегу в экипажах.

Дорога из имения Толстых до Казани занимала несколько дней, она была долгой и утомительной, с неизбежной тряской на ухабах и вездесущей пылью, сопровождавшей путешественников повсюду. Чтобы легче пережить тяготы пути, они останавливались для прогулок по лесу и купания. Старшие братья Николай и Сергей занимали всех разными историями, по воспоминаниям Льва Николаевича, очень увлекательными. Но стоило ли тому удивляться, ведь по свидетельству родственников, их матушка Мария Николаевна обладала удивительным даром рассказчицы и живым воображением. Вот, пожалуй, от кого этот талант достался её детям, а в младшем Льве проявился во всём своём величии и многообразии.

Позже семейство каждое лето отправлялось по проторенному пути в об-

82

Чем хуже положение,
тем более усильная деятельность.

ратную сторону, в Ясную Поляну, и Лёвушка часто занимал себя в дороге чтением. В одном из таких путешествий он ухитрился прочесть восемь томов «Графа Монте-Кристо» Дюма, хотя тряска в экипаже, а по вечерам скудное освещение изб не сопутствовали такому занятию. Тётушка за каждым из племянников определила крепостного мальчика-ровесника, Лёву обычно сопровождал дворовый Ванюшка. Мальчик свободно владел французским, и его юный хозяин всегда дружески беседовал со слугой, принимаемым им более за друга, чем за крепостного. Кстати, этот Ванюшка пройдёт почти через всю жизнь графа Толстого, будет с ним на Кавказе, в Севастополе и Ясной Поляне, прислуживая своему барину, а порой и аккуратно переписывая его творения, когда это требовалось.

В Казани чета Юшковых к обязанностям опекунов отнеслась ответственно, супруги покинули загородное имение Паново, где ранее проживали, и сняли для своей семьи и племянников один из домов Горталовых, который стоял напротив «тюремного замка» или острога, ныне это дом 15 по ул. Япеева. По тем временам квартал считался самым престижным районом в Казани, застроенным добротными кирпичными зданиями, где проживал весь цвет города. И дом Юшковых в благородном обществе числился на хорошем счету. Сама Пелагея Ильинична, как отмечал казанский историк Н. Загоскин, «...оставила по себе память крайне доброй, хотя и небольшого ума, женщины, до мозга костей пропитанной светскостью и ультра-аристократическими принципами». Идеалом её был император Николай I, и относительно Льва она лелеяла мечты сделать племянника адъютантом государя.

Впрочем, как мы увидим дальше, другие её планы носили куда более приземлённый характер. Дядюшка Владимир Иванович – чудаковатый, с бакенбардами и усами, не потерявшими своей черноты, «недобрый шутник» и «большой волокита», как позже

охарактеризовал в «Воспоминаниях» тётушкиного супруга сам Лев Толстой, был прямой противоположностью Пелагее Ильиничне. Он часто балагурил по поводу великосветских манер общих знакомых, подвергал критике принятые в обществе правила приличия, считая их фальшивыми, чем шокировал и расстраивал свою супругу. Но сам Владимир Иванович тщательно следил за своей внешностью, речью и манерами. Судя по поздним отзывам Льва Николаевича о Юшкове, он не всегда вызывал в юноше тёплые чувства, однако не впитал ли Лёвушка в себя то критическое отношение дядюшки к высшему свету? Только Толстой пропустил его через более глубокие слои философских размышлений, не шутя и не кривляясь по поводу надменных аристократических манер, а страдая от несправедливого неравенства между людьми и пытаясь это поправить личным примером.

Но всё это произошло со Львом Николаевичем гораздо позже. А пока он мальчиком тринадцати лет прибыл в Казань, где ещё не утихла слава графов Толстых и оставались связи деда-губернатора, а тётушка Пелагея Ильинична пользовалась в великосветском обществе города всеобщей любовью, и для неё были открыты двери самых богатых и знатных домов. Такое же положение следовало занять и её племянникам, а дорога юных казанских аристократов, как и повсюду, лежала через домашнее обучение и подготовки к поступлению в университет. Старший брат Николай, будучи студентом в Москве, перевёлся в Казань, и средние – Сергей и Дмитрий готовились для поступления по стопам брата на математический факультет. Для Лёвушки Пелагея Ильинична предположила судьбу посла в Турции, а, значит, его дорога лежала на восточное отделение университета, с чем её племянник, по-видимому, согласился. Словами не обошлось, Лёвушке наняли учителей, и началась подготовка к поступлению.

Но по итогам вступительных экзаменов, которые Лев держал спуска три

года, большинство его наставников, по видимому, не смогли привить воспитаннику любви к преподаваемым наукам и дать достаточных знаний. Либо учителя оказались нехороши, либо предметы не заняли пытливого ума ученика и не пробудили в нём усидчивости и познавательного азарта. А ведь юного графа сложно было обвинить в невежестве, читал он много и жадно, но только то, что увлекало его.

В Казани тех лет на Воскресенской улице находилось несколько книжных лавок, большинство из них могли похвастать широким выбором литературы и периодических изданий. Наиболее продвинутые книготорговцы выписывали из-за границы только что вышедшие труды известных зарубежных писателей. Юного Толстого в Казани занимали не только произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Шиллера, но и философские сочинения Руссо, Стерна и Монтескье. Лев Николаевич сам вспоминал, как к середине 40-х годов одолел 12 томов Жана Жака Руссо. Своё восхищение писателем юный граф хотел выразить в ношении медальона с портретом француза «вместо нательного креста». Труды великих философов не могли не отразиться на его духовном росте, проявившись в склонности к самоанализу, глубоким размышлениям. Так в чём причины, почему столь одарённый юноша не показал себя блестяще на вступительных экзаменах и при последующем обучении в университете? Вполне логичное объяснение этой странности даёт Н. Н. Фирсов, очерк которого «Толстой в университете» вошёл в книгу «Великой памяти Л. Н. Толстого. Казанский университет. 1828–1928».

Профессор Фирсов обращался в первую очередь к психологическому портрету Толстого в юности. Невыдающаяся внешность, которую сам Лев Николаевич описывал критически, развила в подростке болезненное самолюбие, и он считал, раз нельзя взять наружностью, то следует брать выдумкой и выходками, которые поразили бы окружающих. Отсюда все необычные

поступки мальчика, остригшего себе брови или задом входящего в комнаты, при этом кланявшегося тем же способом. Он мог до полного изнеможения бежать за тройкой или выпрыгивать из окна с большой высоты, быть необузданно весёлым, лишь бы заслужить лестную для него славу. Мальчик остроённо нуждался во внимании, ведь он так рано познал сиротство, а опека тётки Александры Ильиничны, глубоко несчастной женщины, погружённой в почти монашеское существование, едва ли могла дать ему необходимое руководство и любовь. И вот подростка, этого маленького философа со склонностью к глубоким размышлениям и самоанализу, юношу с природным оригинальным умом и кипучим темпераментом, вынуждают заниматься будничным, обыкновенным и скучным делом. Его заставляют заучивать чужие мысли и цитаты, зубрить даты и имена, а он жаждет чего-то возвышенного, способного занять, захватить умы всего человечества!

Почти трёхлетняя подготовка к вступительным экзаменам окончилась для Льва своеобразным итогом: в мае он провалил историю и статистику с географией, получив по ним единицы, зато по основным для восточного отделения предметам – арабскому и турецко-татарскому – получил «пятерку» и «четверку» (надо отметить, что языки ему давались с лёгкостью). Есть основания утверждать, что турецким, татарским и арабским языками с будущим студентом занимался выдающийся востоковед, профессор Казанского университета А. К. Казем-Бек.

Хорошими, либо отличными баллами преподаватели оценили все остальные экзамены, кроме латинского языка, по которому будущий студент получил двойку (но в то время она считалась переводной оценкой). В результате, Толстого не могли принять в университет, но ему разрешили пересдать историю, статистику и географию осенью. К тому времени юному графу уже исполнилось шестнадцать (в мае же потребовалось особое разрешение ректора Лобачев-

ского, чтобы допустить не достигшего необходимого возраста абитуриента до экзаменов). 23 сентября 1844 года Лев Николаевич был зачислен в Казанский университет на восточное отделение философского факультета.

Казанский университет

Восточное отделение считалось одним из сильнейших в Казанском университете, в нём отмечался европейский уровень обучения. Даже А. И. Герцен писал по этому поводу в своём очерке «Письмо из провинции»: «...нет сомнения, что Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу. Это выразумел Казанский университет, [...] он долго не мог бы догнать не только германские университеты, но наши, например, Московский и Дерптский; а теперь он стоит рядом с ними, заняв самобытное место, принадлежащее ему по месту рождения. На его кафедрах преподаются в обширном объёме восточные литературы, и преподаются часто азиатцами».

К середине сороковых годов «восточный вопрос» стоял в мире особенно остро, император Николай I даже подготовил проект дележа слабеющей Турции между Англией и Россией. Завязывался сложный дипломатический узел, после вылившийся для России в Крымскую войну (в ней Толстой принял непосредственное участие). Неудивительно, что Лев на фоне развёртывающихся событий и разговоров вокруг них загорелся мыслью сделать дипломатом, специалистом по Востоку. Благородная эта цель была всецело поддержана родственниками юного графа.

В 1-м отделении философского факультета преподавали многие выдающиеся учёные, такие как профессор русской словесности Карл Фойгт и не менее известнейшие Мирза Мухаммед

Али (Александр Касимович) Казем-Бек, и Илья Березин (арабский, персидский, турецкий языки и литература). Славился факультет и весь университет другими, не менее даровитыми и прославленными учёными и профессорами. Историей, с которой у Льва Николаевича не сложилось с самого поступления, заведовал гремевший в то время профессор Н. А. Иванов. На этом имени хотелось бы остановиться особо, ибо по воле судьбы и сложившихся обстоятельств именно Иванов стал неким злым гением для Толстого-студента. Он сыграл такую отрицательную роль для юноши, что едва не отвратил его навсегда от учёбы и, особенно, от познания истории как предмета.

Личность профессора Николая Александровича Иванова была совершенно неоднозначной. Произшедший из бедной мещанской семьи он лишь благодаря своему упорству добился высокого положения, которому сопутствовала женитьба в 1840 году на графине Александре Сергеевне Толстой. Таким образом, профессор породнился со своим будущим студентом, и даже, по некоторым сведениям, в первый год университетской эпопеи Лев Николаевич обитал в доме Иванова. В преподавательской среде практиковалось проживание студентов-аристократов на пансионе у своих учителей ради обоюдного интереса. Первые надеялись на различные послабления на тернистом пути к получению диплома, вторые приобретали нелишний доход от содержания богатых учеников. Неизвестно, что произошло между Николаем Александровичем и юным графом в тот период, и в чём заключалась их ссора, но вскоре Лев переселился обратно к тётушке Пелагее Ильиничне, а оскорблённый профессор не позабыл нанесённой обиды. Лев Николаевич выразил бунтарский всплеск своей души своеобразным образом: он перестал посещать лекции Иванова.

Презрение к профессору Толстой, по юношескому максимализму, перенёс и на предмет, который тот преподавал.

Ни в чём неповинный и интереснейший для многих предмет «история» Львом Николаевичем в тот период подвергнулся остракизму. В университете и, по некоторым сведениям, именно из-за непосещения лекций по истории Толстому пришлось отбыть наказание в карцере. Своему компаньону по наказанию, по воспоминаниям последнего, Лев Николаевич выказывал своё отношение к предмету: «История – это не что иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имён. Смерть Игоря, змея, ужалившая Олега, что же это, как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак Иоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1502 года, а четвёртый на Анне Колтовской в 1572 году»? Какие горечь и разочарование слышатся за этими словами, а ведь по уверениям сестры, Лев Николаевич любил читать книги по истории. Да и что такое его величайшее творение «Война и мир», если не исторический труд, не возрождённая история? Но он уже с того юного возраста хотел знать, как происходят исторические процессы, их причины, расшифровывать глубокие психологические перемены в исторических личностях, которые приводили к событиям, о которых им заученно и с напыщенным пафосом докладывал профессор Иванов. А Николай Александрович славился подобными лекциями, где он входил в экстаз от собственного ораторского искусства, пускал слезу и мог заставить плакать слушателей. Но студенты с вдумчивым умом, желанием глубоко анализировать, не могли найти за красивой шелухой ценного зерна. И в этом было разочарование Толстого-философа, стремившегося в университет за ответами на свои многочисленные вопросы, которые бесконечно терзали его.

Но вернёмся к личностному конфликту Льва Николаевича со своим преподавателем и родственником. Можно предположить, что размолвка была замешана и на непростых отношениях Иванова с его супругой. Известно, что

Александра Сергеевна, избалованная роскошной жизнью в доме отца – нижегородского вице-губернатора, своего незнатного и недостаточно состоятельного мужа терпела недолго и вскоре оставила его. К тому же во время супружеской жизни профессору приходилось терпеть оскорбительные выходки казанской аристократии, считавшей, что Иванов не пара графине Сашеньке Толстой. Насмешничали над Николаем Александровичем и студенты-барчуки, которые не могли простить излишних строгостей на экзаменах, предвзятого отношения к родовитым ученикам. В его неравном браке они находили повод для колкостей. Как мы видим, у профессора Иванова были причины недолюбливать высший свет и сводить счёты с юными аристократами доступными ему средствами.

Вот и студенту Толстому пришлось стать для злопамятного профессора неким «мальчиком для битья», к тому же Лев сам всячески содействовал Николаю Александровичу в его «мщениях» – почти не посещал лекций по истории, чем Иванов не преминул воспользоваться. В протоколе заседания совета словесного отделения философского факультета от 26 апреля 1845 года отмечено требование профессора Иванова в числе некоторых студентов не допустить до экзаменов Толстого «по совершенной безуспешности в истории» и за упорное непосещение лекций. И так, с подачи Николая Александровича и по его настоятельному требованию юноше не позволили сдать экзамены за первый год обучения. Даже по прошествии значительного времени Лев Николаевич с незатухающей обидой вспоминал об этом и считал, что невозможно по экзаменам, где всем заправляют несправедливые профессора, судить об истинных знаниях человека.

Справедливости ради, стоит рассмотреть, как Лев Николаевич до отстранения от годичного испытания знаний сдал экзамены за полугодие. И пусть полугодичные результаты ни на что не влияли, но беспристрастные до-

кументы отразили далеко не блестящие успехи юного студента. Как отмечал в своём очерке Н. Фирсов, Толстой получил «два» по одному из предметов своей специальности – арабскому языку, конкретно по арабской грамматике. Напомним, что «двойка» являлась переводной, но самой низшей отметкой, близкой к неудовлетворительной. А вот у блистательного профессора персидского и арабского языков, доктора философии Ф. И. Эрдмана, который на курсе «толковал избранные места из истории монголов», Лев Николаевич получил «четыре». Юного студента явно не интересовала скучная рутина – грамматика, которая предполагала методичное заучивание, он не желал ничего «задаблывать». Об этом говорят и оценки за прилежание, отмечавшие посещение лекций, у Толстого по большинству предметов эта оценка «два». Интерес к выбранной специальности катастрофически угасал под общим впечатлением несовершенства обучения, конфликта с профессором Ивановым, разочарования от несправедливого, как считал Лев, отношения к нему лично.

Сыграла свою роль и разгульная жизнь титулованного студента. Вышший свет в тот сезон веселился особенно буйно, сказывалась радость от восстановления прежней культурной жизни города, нарушенной страшным пожаром августа 1842 года. Бесконечные балы, благотворительные вечера с живыми картинами, спектакли, маскарады, катания с гор с барышнями и дружеские кутежи с неизменным шампанским кружили голову юного графа. Времени на все эти развлечения уходило много, до лекций ли тут, да и на Льва давило общее великосветское мнение, что истинный аристократ не должен глубоко погружаться в занятия, достаточно учиться не слишком дурно, но и не слишком хорошо. Куда важнее в их круге оказывалось соблюдение светских манер, безупречный внешний вид и безукоризненное французское произношение. Весь мир Толстой тогда де-

лил на «комильфо» и «не комильфо». Чтобы иметь ухоженные руки, он резал ногти до мяса, впадал в уныние от непослушности волос, которые никак не укладывались в причёску, часами простаивал перед зеркалом. На балах юноша пытался преодолеть природную застенчивость, но это не всегда ему удавалось, и его робость замечалась барышнями.

К. Н. Ломунов в предисловии к книге «Толстой Лев Николаевич. Избранные произведения» привёл воспоминание одной из девушек: «Лев Николаевич Толстой на балах был всегда рассеян, танцевал неохотно и вообще имел вид человека, мысли которого далеко от окружающего, и оно его мало занимает. Вследствие этой рассеянности многие барышни находили его даже скучным кавалером...». Обвинения в застенчивости и робости преследовали Льва Николаевича все молодые годы, может, потому он посчитал победой над собой удачный сценический опыт в живых картинах, где его исполнение хвалили даже в газетах. Толстой сохранил афишу повторения живых картин в память о преодолении собственной застенчивости и первом актёрском опыте. Светская жизнь тех лет и развлечения молодости оставили в его душе противоречивый след. Толстой и позже отзывался об этой стороне казанского бытия неоднозначно, то говоря о приятном времяпровождении, свойственном молодым людям, то называя подобное существование порочным и мерзким.

Но вернёмся к делам университетским. Лев Николаевич потерпел неудачу на восточном факультете и окончательно решил поменять направление своего обучения. Он стыдился необходимости отступить и не сдержат прежних намерений, душевные муки его явно проступают в письме от 25 августа 1845 года к любимой тётеньке Татьяне Александровне Ергольской: «Хотя и с опозданием, а всё-таки я вам пишу; себе в оправдание я мог бы много наврать, но я этого не сделаю, а просто

сознаюсь, что я негодяй, не заслуживающий вашей любви. И хотя он сознаёт это и также всем сердцем вас любит, но у него столько недостатков, притом он такой лентяй, что не умеет доказать вам своей любви. А за неё простите его. Вот уже три дня, как мы в Казани. Не знаю, одобрите ли вы это, но я переменил факультет и перешёл на юридический. Нахожу, что применение этой науки легче и более подходяще к нашей частной жизни, нежели другие; поэтому я и доволен переменой. Сообщу теперь свои планы и какую я намереваюсь вести жизнь. Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованием, языками и лекциями в университете. Дай бог, чтобы у меня хватило твёрдости привести эти намерения в исполнение».

Лев Николаевич перевёлся на юридический факультет по множеству причин, но лишь некоторые из них он изложил в письме Ергольской, опустив подробности своих отношений с профессором Ивановым и прочие досадные недоразумения, предпочитая во всём винить одного себя. Многие ли в его возрасте способны на такую самокритику и даже мудрость, присущую зрелым людям, и то далеко не всем. Перемена факультета не избавила Толстого от ненавистного профессора, к тому же среди его теперешних преподавателей оказалось куда больше людей откровенно невежественных, не владевших даже русским языком и не особо блиставших в предметах, по которым они читали лекции. Зато на юридическом факультете в большинстве своём учились аристократы, а значит его казанские товарищи, с кем он встречался на балах и светских развлечениях. Про этот факультет почитатель Округа М. Н. Мусин-Пушкин, шутя, говорил: «что ни юрист, то дурак», но едва ли он имел в виду умственные способности студентов из высшего общества. Скорей всего, это была оценка их стремления к знаниям, отношение к получению образования, которое, по большому счёту, мало кому из них было необходимо. Среди однокурс-

ников Льва Николаевича встречались юноши несомненно одарённые, одним из них был сын профессора Берви, известный многим как Н. Флеровский, автор книги «Положение рабочего класса в России». Сам Толстой на первом курсе юридического факультета увлёкся обучением у профессоров Фогеля и Мейера.

Густав Львович Фогель – профессор «уголовных и полицейских законов» запомнился Льву Николаевичу неказённым подходом к предмету, в 1846 году он стал одним из инициаторов, который ввёл практику «изготовления и обсуждения студентами [...] рефератов». Для живого ума Льва Николаевича, нацеленного на поиски истины, подобные «собеседования» стали «светлым лучом в тёмном царстве». На его лекциях он задумался о вопросе смертной казни. И, наконец, огромное влияние оказал Дмитрий Иванович Мейер – большой учёный и смелый человек, обладавший неимоверным гражданским мужеством. Лекции он читал не по тетрадкам, а живую, вступая в беседу со студентами и вызывая при этом симпатию, живейший отклик и заинтересованность. Он выражал протест против крепостничества, взяточничества, осуждал различие прав по сословиям и вероисповеданиям. По воспоминаниям его слушателей, студенты лишь в начале лекции что-то записывали за преподавателем, но после, увлекаясь, бросали перья и превращались в слух, с жадностью ловили каждое слово захваченного своими мыслями и речью профессора. Искренность, правдивые, проникнутые гуманизмом лекции Дмитрия Ивановича, его демократические высказывания воспринимались как переворот, встряска умов, выдающееся явление не только для университета, но и для всего общества.

Неудивительно, что для Толстого профессор Мейер стал глотком живительного воздуха, он подтолкнул будущего писателя к тому отрицанию удовольствий высшего света, которое ужерождалось в душе юноши. Молодой

профессор сплотил вокруг себя студентов с передовыми взглядами, организовал кружок. Лев Николаевич не посещал собраний этого кружка, но сблизился со многими студентами-разночинцами, входящими в него. Под впечатлением от бесед с ними повзрослевший граф стал задумываться о вопросах религии, начинались его духовные искания. В таких общениях он делал интересные открытия для себя, видел много нового и свежего, так не похожего на закоснелую, порочную среду высшего света.

Толстой продолжал посещать балы и всевозможные развлечения «золотой» молодёжи, но уже чувствовал себя там чужим. Роль развязного великосветского щёголя тяготила юношу, не соответствовала внутреннему миру, собственным рассуждениям, в которые Лев Николаевич часто пускался. Позже, в своей «Исповеди» Толстой написал: «Я всей душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался высказать то, что составляло самые душевные мои желания, [...] я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли». Вспомним тут слова его тётушки Пелагеи Ильиничны, обращённые к юному опекуну, где она «ничего не желала бы так для меня, как того, чтобы я имел связь с замужнею женщиной. Ничто так благоприятно не влияет на молодого человека, как связь с женщиной из порядочного круга». А ещё хотела «самого большого счастья – того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов». В такой атмосфере Льву Николаевичу приходилось жить, и стоит ли удивляться, почему его, уже возмужавшего и перепробовавшего все соблазны великосветской жизни, потянуло к обществу иных людей с другими ценностями, мыслями и желаниями.

Тем временем в университете Мейер заметил любознательного студента

и дал ему самостоятельную работу. Лев Николаевич должен был сравнить «Наказ» императрицы Екатерины с «Духом законов» Монтескье. С большим удовольствием юноша занялся порученным профессором исследованием, увлечённо читал Монтескье, открывая для себя безграничные горизонты самостоятельного обучения. Именно эта работа окончательно убедила графа в нежелании получать знания у академических преподавателей и в той манере, в какой она была принята в то время. Он познал всю прелесть и преимущества независимого познания мира, всю силу своего острого критичного ума, наслаждался возможностью изучать только то, что интересно личности на данный момент.

Работа над диссертацией окончательно подтолкнула к разрыву с университетом, а желание покинуть храм науки Льва Николаевича терзало, по видимому, давно, ещё со столкновения с профессором Ивановым. Скорей всего, Толстого печалило расставание с Мейером, да и сам Дмитрий Иванович сожалел об его уходе и говорил о неоткрывшихся способностях, которые явственно видел в молодом графе. Но свой путь Лев Николаевич уже предпринял, заявив о двух причинах отъезда из Казани, – это окончание университета старшим братом Николаем и его отбытие на Кавказ, а также открытие преимуществ самостоятельного труда. Академическое обучение, по словам Толстого, лишь мешало ему в дальнейшей работе.

Была и ещё одна причина, не названная молодым графом, – это желание и даже необходимость заняться своим поместьем. К тому времени тётушка в связи с совершеннолетием опекунов начала оформлять их наследство. По «Раздельному акту» Льву Николаевичу отходила Ясная Поляна, и он почувствовал тягу к ведению хозяйства, дабы на деле осуществить свои добрые намерения в отношении крепостных. Толстой подал прошение об уходе из университета 12 апреля 1847 года с указанием причин:

Зелёная палочка

90

Л. Н. Толстому – 190...

«по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам». После выдачи всех документов Лев Николаевич нанёс прощальные визиты, в том числе и о. попечителя Округа Н. И. Лобачевскому. Их прощание с профессором было очень тёплым, Николай Иванович выразил сожаление по поводу ученических неудач Толстого и сказал: «Было бы очень печально, если бы ваши выдающиеся способности не нашли применения». «В чём он тогда мог видеть мои способности, уж не знаю...» – замечал позже Толстой.

Граф прожил в Казани всю юность, с 13 и почти до 19 лет, а это ответственный период в жизни любого человека. Казанский опыт проявился у Толстого первыми литературными и философскими трудами. Были это и его знаменитые правила жизни, которые юноша во время болезни и лечения в университетской клинике начал старательно записывать в самодельной тетради-дневнике. В первом жизненном манифесте писателя 15 пунктов. Вот для примера три из них: *12. Чем хуже положение, тем более усиливай деятельность. 13. Довольствуйся настоящим. 14. Ищи случаев сделать добро.*

Составлять для себя правила Толстой продолжил и во взрослой жизни, а дневники со всей своей поразительной откровенностью он вёл почти до самой кончины (последняя запись сделана за четыре дня до смерти).

23 апреля 1847 года Лев Николаевич выехал из Казани молодым человеком восемнадцати с половиной лет, провожаемый друзьями. Он оставил позади город, где произошло становление его личности с пламенным желанием изменить себя и усовершенствовать мир вокруг. Его миром на данный отрезок времени являлась Ясная Поляна, и он устремился в своё поместье с твёрдым намерением сделать счастливыми сотни душ крепостных, ещё не зная, как много трудностей ожидает его на загородном пути и как непросто творить добро.

К желанию творить добро и справедливость молодого графа подтолкнули не только долгие философские размышления о смысле жизни и своём месте, но и давняя история из детства, которая преследовала Толстого до конца его земного пути. Рассказанная старшим братом Николаем история, а по сути, выдумка о зелёной палочке, где, якобы, записан секрет о всеобщем счастье человечества, настолько впечатлила пятилетнего Лёвушку, что он всю жизнь стремился открыть сокровенное. О чём же таком поведал Николенька, какие слова выбрал, чтобы так глубоко поразить младшего брата?

Лев Николаевич сам рассказывал об этом уже в зрелом возрасте. Детьми они играли в Ясной Поляне, когда старший брат поведал великую тайну. По его словам, он вырезал на зелёной палочке секрет, как сделать всех людей счастливыми, избежать болезней и неприятностей, заставить любить друг друга, сделать всех «муравейными братьями», а после закопал палочку на краю оврага. Где же зарыто это величайшее таинство, Николай обещал открыть лишь тому, кто пройдёт по щели половицы, ни разу не споткнувшись, простоит в углу, не думая о белом медведе, и целый год не увидит зайца. Замысловатая выдумка так увлекла детей, что они не единожды принимались за поиски палочки, балансировали на половице и вставали в угол, но как вспоминал Лев Николаевич о своих попытках: «старался, но никак не мог не думать о белом медведе».

Отыскание пути к всеобщему счастью, чтобы люди не болели, не страдали, не умирали и не жили в разделении и вражде друг к другу, поиски ключа нравственно-религиозной истины занимали Толстого всю его долгую жизнь. Рассказывая в воспоминаниях о зелёной палочке, писатель, как будто подытоживал смысл своего бытия и творчества: «Идеал муравейных братьев, льющих

Неизданное

любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть зелёная палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что это истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

С трепетной надеждой на открытие тайны, с поисками и стремлением постичь её Лев Толстой прошёл путь философа, творца, бунтаря-одиночки и вдохновителя нового религиозного направления. Он завещал похоронить себя в месте, где зарыта зелёная палочка, — в Ясной Поляне, у дороги, на краю оврага старого Заказа. Странная и необычная просьба для большинства людей, но не для Льва Николаевича, который всю свою жизнь не боялся ломать стереотипы. А может, в нём зрела уверенность, что только там, уже по ту сторону бытия, ему откроется сокровенное, и он отыщет способ передать это людям. «Поймите, что всё, что представляется нам важным: удовольствия, радости и богатства, отечество, приличие, привычки, слава, — всё это ничто в сравнении с главным, истинным назначением жизни». (Из статьи Толстого «Зелёная палочка», газета «Русское слово», 1911 год).

9 ноября 1910 года в Ясной Поляне собралось несколько тысяч человек на похороны Льва Толстого. В России это были первые публичные похороны знаменитого человека, которые, по желанию самого покойного, проходили не по православному обряду. В газетах опубликовали высказывания императора Николая II о смерти Льва Николаевича: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих образы одной из славных годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милосердный судья». Толстого похоронили там, где он завещал, — на краю оврага в лесу, где в детстве они искали мифическую «зелёную палочку».

Мало кто из писателей может сравниться с художником слова и правдоискателем Львом Толстым по масштабы творческого наследия. Это огромное количество романов, рассказов, повестей, сказок, пьес, публицистики и религиозной литературы. При жизни Лев Николаевич оценивал свои произведения жёстко и критично, и немало трудов он не выпустил в свет, несмотря на уже признанную славу великого писателя. Считал ли он их недоконченными, либо ждущими своего часа, неизвестно, но такие шедевры, как «Хаджи-Мурат» (опубликован в 1912 году), «Живой труп» (1911), «После бала» (1911), «Смерть Ивана Ильича» (1912), как видим, были изданы лишь после смерти писателя.

В связи с этим хочется отметить требовательность Толстого, его самокритичность, высочайшую планку, поставленную для своих произведений. Вспомним, сколько раз руками его добровольного секретаря супруги Софьи Андреевны переписывалась монументальная эпопея «Война и мир». Его, настоящего и великого художника слова, мучала неудовлетворённость собственными трудами, несовершенство фраз, не могущих в полной мере выразить мысли, эмоции, объять необъятное и заковать его в узы строк. Поучиться бы скромности у великого писателя некоторым из пишущей братии, тех самым, которые каждый свой литературный опус считают если не шедевром, то, по меньшей мере, достойным быть напечатанным. Известный богослов Александр Мень говорил, что Толстой до сих пор является голосом совести и живым упрёком для людей уверенных, что они живут в соответствии с моральными принципами.

Льву Николаевичу Толстому принадлежит выражение: «Если вашего ухода никто не заметил, скорее всего, вы ушли незря». Уход величайшего из гениев потряс весь мир. Толстой в душах современников и последующих поколений остался бессмертным, величиной незыблемой, вечной, как океан, Эверест, космос...